

Письмо 4. Через тернии в «звезды»

*Я вспоминаю и поныне,
Как полусонного меня
Будили две геологини
И водружали на коня...*

Евг. Евтушенко «Разведчики грядущего».1956

Пути, которые мы выбираем в жизни, чаще всего определяются модой, сопровождающей каждое время и каждый возраст. Мы мечтали стать летчиками или космонавтами в первом классе, миллиардерами или звездами шоу-бизнеса (что, в общем-то, одно и то же) в последнем, нобелевскими лауреатами в университетах. Все эти мечты рассеиваются, как дым, при соприкосновении с реальной жизнью. Статистика свидетельствует, что они воплощаются в жизнь для миллионных долей процента мечтателей, а для остальных оборачиваются тем большим разочарованием и потерями, чем серьезнее и настойчивее преследуются ими. Не все знают, что и для тех немногих, кто вышел на звездный горизонт, идеалы, как это показал Достоевский, со временем уродуются и превращаются в свою противоположность.

В школьном возрасте очень многие балуются писанием стихов. Была и в нашей школе стенгазета, в которой соперничали, в основном, два автора – я и учившийся в параллельном классе Женя Евтушенко. Мы не были близкими друзьями, просто он время от времени таскал меня на разные поэтические семинары в «дома пионеров», и мы пытались упражняться в стихосложении на разные темы, например, матерные опусы. Было трудное послевоенное время, как в материальном, так и идеологическом смысле: 1948-49. Я жил на 3-й, Женя на 4-й Мещанской улицах, где дворы с сараями для дров и шайками хулиганов определяли нашу, отнюдь не поэтическую жизнь. Женина мать работала певицей в кинотеатре «Форум», пальто у него не было, и он ходил зимой в женской шерстяной кофте. Все это Женя потом описал в рассказе «4-я Мещанская».

Больше никогда в жизни мне не встречался человек, который бы с такой страстью, так бескомпромиссно и безоглядно вцепился в поэзию, или любое другое дело. Он изучал творчество поэтов, вел записные книжки с рифмами, образами, находками, что служило основой «деланья стихов» по каждой «проходной для печати» темы, таскался в редакции различных газет. Наконец, неожиданное опубликование в газете «Советский спорт» стихотворения о греческом революционере Манолисе Глозесе, который водрузил красный флаг над Акрополем, явилась следствием симпатии юной секретарши редакции к молодому поэту. Результатом поэтического успеха явилось его полное равнодушие к школьным занятиям. Среди зимы он практически бросил школу, с небрежностью признанного поэта игнорируя дисциплинарные потуги директора школы – Ивана Ивановича Винокурова, который, в конечном счете, выгнал поэта с «волчьим билетом» из 10-го класса, лишив аттестата о среднем образовании. Женин 10-б класс молчаливо поддержал дирекцию, вызвав на всю жизнь его ненависть к директору, учителям и однокашникам. Впоследствии это отразилось в изданной в 60-х годах в ГДР «Автобиографии» поэта Евг. Евтушенко.

Я оказался практичнее, понимая безнадежность попыток пробиться в канонизированную «обойму» советских поэтов, тем более на фоне развернувшейся в стране травле «космополитов». Я оправдывал себя тем, что можно стать писателем, имея надежную специальность, еще не зная, что «когда все хорошо, стихов не пишут». Но безоглядный Женькин бросок в поэзию вызывал уважение, что и определило впоследствии мое внимательное слежение за его поэтическим и жизненным путем.

А путь этот оказался не только тернистым, но и усеянным глубокими ухабами, в которые поэт то и дело проваливался тем глубже, чем выше возносился на пики успеха. Только 7 лет спустя после исключения из школы, в результате упорной, казавшейся безнадежной, работы вышла первая маленькая книжонка, куда вошли его стихи из геологической экспедиции (цитируется в эпитафии). Он поступил в Литературный институт, где проучился недолго, по-видимому, вследствие отсутствия аттестата зрелости и взрывного характера. Но настоящий поэтический взлет произошел благодаря тому, что там он познакомился и безнадежно влюбился в Беллу Ахмадулину, которой посвящены его лучшие стихи.

В 1960-м, на вечере встречи в нашей школе через 10 лет после ее окончания, он читал даже не свои стихи, а «Облако в штанах» Маяковского. Стихи он читал прекрасно, что очень ему помогало во всех выступлениях. Во многом благодаря этому, его заметили и оценили в период моды на вечера поэзии, которые берут свое начало с «Политехнического», ознаменовавшего эпоху «Шестидесятников». Он вошел в плеяду поэтов, обозначивших эпоху первой хрущевской «Оттепели»: Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной и др. Выступления на стадионах, поездки по стране – Братская ГЭС, Дальний Восток, станция Зима, где он родился, по миру – Куба, Париж, США. Появились песни на слова Евг. Евтушенко в исполнении лучших певцов и певиц. Он писал много, взахлеб. Было много новых впечатлений, но иногда проскальзывали и мотивы из нашей юности.

*И мне покажется, покажется,
По Сретенкам и Моховым,
Что молод не был я пока еще,
А только буду молодым.*

«Сретенка» - была самая людная улица в нашем районе «Малый Бродвей» в жаргоне районной молодежи.

А в «совке» за все приходилось платить: за зарубежные поездки, издания книг, публикации в центральных газетах, членство в Союзе писателей. И он платил писанием просоветских и «заказных» стихов, выступлениями против коллег, которые не прощали ему предательства, хотя все понимали, что «честного» выхода у него не было. Балансируя на грани советского патриотизма и диссидентства, он ухитрялся иногда избегать предательства, например, участия в собрании Союза писателей, на котором исключали Бориса Пастернака, иногда создавал и публиковал шедевры, вроде «Бабьего Яра», который обеспечил ему симпатии всех евреев не только СССР и Израиля, но и во всем мире.

Все мы родом из детства. И я помню, как мы, группа безмозглых мальчишек в день похорон Сталина в марте 1953 прошли по крышам домов Петровки почти до самого Колонного зала, где проходило прощание с трупом великого тирана, не

ведая, сколько людей он загубил при своей жизни, и сколько во время своих похорон. Где-то в той же толпе чуть не погиб Женя, который создал потом сценарий фильма об этом. Он уже мог себе позволить многое: фильмы, даже исполнение роли Циолковского, телевизионные шоу, 100-тысячные тиражи своих книг, поездки по всему миру. Уже начали печатать все, что выходило из-под его пера. Более того, он опубликовал огромную монографию – сборник из более 600 поэтов XX века «Строфы века», включив туда всех диссидентов и эмигрантов. Низкий поклон ему от меня за эту мою настольную книгу.

Однако, «звездная болезнь» не проходит без осложнений. Личная жизнь со множеством жен (именно жен, а не женщин), которые не смогли ему восполнить единственную Беллу, пошла в разнос. Несусветная гордость и вынужденные предательства рассорили его со всеми коллегами и друзьями. В одном из последних интервью он погордился, что создал около 200 000 строк стихов, а 30% из них удачны. Несложным статистическим расчетом он доказывал, что «60 000 строк – очень неплохо для поэта». Только это напоминает притчу об обезьяне, которая, стуча по клавишам компьютера непрерывно 12000 лет, напишет среди прочей дребедени сонет Шекспира. Известный пародист Александр Иванов написал на Евтушенко самую злую из своих пародий, в которой 80% текста было прямой цитатой, а рифма была типично «евтушенковской».

Ты говорила шепотом:

- *А что потом? – Заштопаем.*

И снова полушепотом:

- *Да не туда же... жопа там.*

Он не стеснялся ничего – у поэта все на продажу. В 1999-м я попал на вечер Евтушенко в еврейском клубе в г. Хайфа. Он тогда рассказал с эстрады об отношении к себе Иосифа Бродского. Я уже читал об этом раньше в воспоминаниях Сергея Довлатова, который рассказал Бродскому, что Евтушенко написал статью против колхозов.

- Тогда я – «за»! – горько резюмировал нобелевский лауреат, не вспомнив о заступничестве Евтушенко в молодые годы.

Я зашел за кулисы клуба в перерыве его выступления.

- *Ты, конечно, меня не помнишь, прошло 50 лет с тех пор, как мы учились в 10-х классах.*

Видимо действительные и мнимые «друзья молодости» сильно его достали. Он зло посмотрел на меня и спросил:

- *А как была фамилия директора школы?*

- *Иван Иванович Винокуров.*

Это сразу изменило его отношение. Он подписал мне принесенные мной «Строфы века», указав только: «не однокласснику, а одношкольнику». Класс свой он не простил и 50 лет спустя. Тогда же я понял, почему в «Строфах века» отсутствует знаменитый и признанный С.Маршак; все удивлялись этому странному обстоятельству. Видимо тогда, в юности, Маршак не поддержал молодого Евтушенко, в то время как Вознесенского поднял Пастернак, а Бродского Анна Ахматова. Женя не только безоглядно поверил в свой гений поэта, Евтушенко претендует на большее: «Поэт в России больше, чем поэт!»

Я не жалею о своей судьбе. Стать звездой оказалось мне не по карману. На моем

юбилейном банкете мой друг Андрюша Петров прочел на меня и Евтушенко такую пародию.

*Со мною вот что происходит:
Здесь в школе Барский верховодит.
Но я, подумав хорошенько,
Сказал себе: - Спокойно, Женька!
Пусть Левка после школы лезет в ВУЗ.
А что потом? Не надо, мы не баре.
Пусть он король, но я-то буду туз
Везде на Барской ГЭС и в Барском Яре.
Пусть у меня его талантов нет –
Всегда наукой будет отвлечен он.
Поэт в России – больше, чем поэт,
Ну а ученый – меньше, чем ученый!*

В жизни с удивительным постоянством соблюдается закон Гегеля о единстве и борьбе противоположностей. Тернии и неприятности сменяет триумф. К сожалению, триумф вновь порождает неприятности. А это тебе нужно!?

Может и нужно, но стоит подумать и просчитать баланс побед и потерь.